

И тепло, и в розах

«Огонек» побывал на родине павловопосадского платка

Наталья Радулова |

В ЭТОМ году павловопосадскому платку исполняется 225 лет. «Огонек» посмотрел, как сейчас производят национальный символ России.

Сушильщица. Так называется должность 60-летней Ирины Давыдовой, она с помощью деревянной палочки ловко, слоями укладывает на тележку выходящую из печатной машины шерстяную ленту, которую потом разрежут на платки. «Надо смотреть, чтоб рисунок лег ровно в трафарет, — объясняет она, — чтоб пушинка нигде не прилипла и не отпечаталась... Глаз да глаз! И так с утра до вечера, уже и не помню который год... И буду работать еще сколько смогу. Платки — это на всю жизнь, пока та, с косой, не придет».

Каждую смену седые волосы сушильщицы Давыдовой приобретают разный оттенок: то синий, то красный, в зависимости от грунта партии. Одно радует: краски экологически чистые. Шерсть здесь используется тоже натуральная, из Новой Зеландии и Австралии — в России меринских овец почти нет.

Во времена СССР специально для нужд Павловского Посада закупили как-то две отары белых австралийских меринских и поселили их на Кавказе. Но там за овечками не уследили — местные бараны попортили дорожку породе. Выявлять виновных не стали — началась перестройка, фабрика оказалась на грани закрытия, не до того было. Потом, когда заново наладили производство, сырье снова стали закупать за границей. «Шерсть у нас австралийская, краски — немецкие, — вводит в курс дела сушильщица, — станки — итальянские, компьютеры — китайские. Только руки — из России».

Так оно примерно всегда и было. Павловские шали вообще задумывались как копия индийских, кашмирских, китайских и турецких. Но русские руки не удержались — так переделали заморскую продукцию, что и духу чужого не осталось. Как со старинной японской игрушкой получилось — был грустный старичок, а вышла яркая и жизнерадостная матрешка. Была роспись по керамике голландских мастеров, а получилась чисто русская гжель. Вот и павловские платки наряду с матрешкой, гжелью,

палехскими шкатулками и жостовскими подносами стали национальным символом России. А еще точнее, символом русской женщины. «У меня несколько платков, — признается Ирина Давыдова. — Под настроение надеваю. Иногда думаю: ну, надоели, видеть их не могу! Но потом достанешь из шкафа, на плечи накинешь, в зеркало глянешь — а красиво!»

«Портянка и есть портянка»

В этом году павловопосадским платкам исполняется 225 лет. Маленькую кустарную фабрику — ткацкую светелку — в селе Павлово организовал в 1795 году Иван Лабзин. У предприимчивого крестьянина поначалу трудилась дюжина вольнонаемных работников, и изделия их были так себе — «средней руки» да «плохой доброты». Это потом платки и шали уже города Павловский Посад расцветут яркими розами, засияют на картинах Кустодиева, Репина, Васнецова, станут известны на весь мир, а производство разрастется до самой большой в России мануфактуры. Зато выпуск продукции никогда уже не остановится: ни во время Отечественной войны 1812 года, ни в революцию, ни в Гражданскую, даже в 1990-е хоть и с большим трудом, но устоит дело Ивана.

«А у нас место удобное, — объясняет помощник гендиректора Павловопосадской платочной мануфактуры Евгений Обухов. — Рядом реки Ока, Клязьма, дороги на Москву, Нижний Новгород, Вологду, Астрахань. До самых крупных ярмарок нам всегда удобно было добираться». К середине XIX века ткацкий промысел охватил здесь всю округу: почти все городское население было занято на фабрике, а деревенские ткачи работали на дому. В 1896 году на промышленной выставке фабрика получила высшую награду: право изображать государственный герб на вывесках и этикетках. Но все же своего пика производство достигло в советское время, когда в месяц выпускалось более полутора миллионов погонных метров платков и шалей — столько теперь здесь производят за целый год.

В 1937-м на Всемирной выставке в Париже павловопосадские шали получили

высшую награду: Гран-при и восхищенные отзывы «Это — цветущий сад!», в 1939-м на выставке в Нью-Йорке журналисты писали, что розы на русских платках словно светятся разными оттенками, в 1956 году на Всемирной выставке золотую медаль получит шаль «Роза и рябина», будет невероятный успех и в 1961 году на выставке в Дамаске, и специальный приз в Лейпциге в 1969 году...

В 1990-е фабрика едва не закрылась: не было денег не то что зарплаты выплачивать, а и просто обогревать большие помещения, ждали, когда трубы начнут лопаться. Но нашлись, к счастью, инвесторы, а теперь уже и государство помогает: для производства, в которых 50% продукции составляют изделия народных художественных промыслов, предусмотрены

льготы — поддержка из федерального бюджета, налоговые послабления: отмена налога на землю, уменьшение налога на прибыль на 4% и налога на имущество на 50%. Кроме того, через госсубсидии предприятие может компенсировать часть затрат на рекламу — у Павловопосадской платочной мануфактуры почти две сотни фирменных магазинов по всей России.

Теперь уже в Турции и Китае активно подделывают павловопосадские платки. Сувенирные лавочки, интернет-магазины, весь рынок «Садовод», даже крупные сети вроде Wildberries забиты «левым Посадом». Привлечь фальсификаторов к ответственности трудно: они и не утверждают, что их продукция изготовлена в Павловском Посаде, обычно пишут

